

Иван Сученко и Белый Полянин. Русская народная сказка

Начинается сказка от сивки, от бурки, от вещи каурки. На море, на океане, на острове на Буяне стоит бык печеный, возле него лук толченный; и шли три мбодца, зашли да позавтракали, а дальше идут — похваляются, сами собой забавляются: были мы, братцы, у такого-то места, наедались пуще, чем деревенская баба теста! Это присказка, сказка будет впереди.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь на гладком месте, словно на скатерти, сроду не имел у себя детей. Пришел до него нищий. Царь его пытается: «Не знаешь ли ты, что мне такое сделать, чтоб были у меня дети?» Он ему отвечает: «Собери-ка ты мальчиков да девочек — семилеток, чтоб девочки направили, а мальчики выплели за одну ночь невод; тем неводом вели изловить в море леща золотоперого и дай его царице съесть».

Вот поймали леща золотоперого, отдали в кухню изжарить; поварка вычистила, вымыла леща, кишки собаке бросила, помои отдала трем кобылам выпить, сама оглодала косточки, а рыбу царица скушала. Вот разом родили: царица сына, и поварка сына, и собака сына, а три кобылы ожеребились тремя жеребятами. Царь дал им всем имена: Царенко Иван, Поваренко Иван и Сученко Иван.

Растут они, добрые молодцы, не по дням, не по часам, а по минутам, выросли большие, и посылает Иван Сученко Ивана-царевича до царя: «Поди попроси, чтоб позволил нам царь оседлать тех трех коней, что кобылы принесли, да поехать по городу погулять-покататься». Царь позволил; они поседлали коней, выехали за город и начали меж собой говорить: «Чем нам у батюшки у царя жить, лучше в чужие земли поедем!» Вот они взяли купили железа, сделали себе по булаве — каждая булава в девять пудов, и погнались коней.

Немного погодя говорит Иван Сученко: «Как нам, братцы, будет путь держать, когда нет у нас ни старшего, ни младшего? Надо так сделать, чтоб был у нас старший брат». Царенко говорит, что меня отец старшим поставил, а Сученко — свое, что надо силу попробовать — по стрелке бросить. Кидают стрелки один за другим; сначала Царенко Иван, за

Царенком Поваренко, за Поваренком Сученко. Едут не далеко, не близко — аж лежит Царенкова стрелка, немного подалее того упала Поваренкова стрелка, а Сученковой нигде не видать! Едут всё вперед да вперед — и заехали за тридевять земель в тридесятое царство, в иное государство — аж там лежит Сученкова стрелка.

Тут и порешили: Царенко будет меньшой брат, Поваренко — подстарший, а Сученко — самый наистарший, и пустились опять в путь-дорогу. Смотрят — перед ними степь расстилается, на той степи палатка разбита, у палатки конь стоит, ярую пшеницу ест, медовой сытой запивает. Посылает Иван Сученко Ивана-царевича: «Пойди узнай: кто в палатке?» Вот Царенко приходит в палатку, а там на кровати Белый Полянин лежит. И ударил его Белый Полянин мизинцем по лбу — Царенко упал; он взял его да под кровать и бросил. Посылает Сученко Ивана Поваренка; Белый Полянин и этого ударил мизинцем по лбу и бросил под кровать. Сученко ждал, ждал, не дождался; прибегает туда сам, как ударит Белого Полянина раз — он и глаза под лоб! После вынес его из палатки, свежий ветерок пахнул, Белый Полянин ожил и просит: «Не убивай меня! Прими за самого меньшого брата!» Иван Сученко его помиловал.

Вот все четыре брата поседлали своих коней и поехали пущами да рощами; долго ли, коротко ли ехали — стоит перед ними дом в два этажа под золотой крышею. Зашли в этот дом — везде чисто, везде убрано, напитков, наедков вдоволь запасено, а живых людей нет никого; подумали-подумали и положили пока здесь проживать — дни коротать. Утром три брата на охоту поехали, а Ивана-царевича дома оставили за хозяйством смотреть. Он наварил, нажарил к обеду всякой всячины, сел на лавке да трубку покуривает. Вдруг едет старый дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь сажений лита, и просит милостыни. Царенко дает ему целый хлеб; дед не за хлеб, за него берется, крючком да в ступу, толк-толк, снял у него со спины полосу до самых плечей, взял половиною натер да под пол бросил... Вернулись братья с охоты, спрашивают Царенка: «Никого у тебя не было?» — «Я никого не видал; разве вы кого?» — «Нет, и мы не видали!»

На другой день дома остался Иван Поваренко, а те на охоту поехали. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку — аж едет дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь сажений лита, и просит милостыни. Поваренко дает ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу, толк-толк, снял кожу до самых плечей, половиною натер да под пол бросил... Вернулись братья с охоты и спрашивают: «Никого у тебя не было?»

— «Нет, никого! А вы разве видели?» — «Нет, и мы не видали!»

На третий день дома остался Белый Полянин. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку — аж едет дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь саженой лита, и просит милостыни. Белый Полянин дает ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу, толк-толк, снял кожу до самых плечей, половою натер да под пол бросил... Приехали братья с охоты: «Ты никого не видал?» — «Нет, никого; а вы?» — «И мы тож!»

На четвертый день остался дома Иван Сученко. Наварил обедать, сел на лавке и курит трубку — аж опять едет старый дед в ступе, толкачом подпирается, под ним ковета на семь саженой лита, и просит милостыни. Сученко дает ему булку; он не за булку, а за него, крючком да в ступу — ступа и разбилась. Иван Сученко ухватил деда за голову, притащил до вербового пня, расколол пень надвое да всадил дедову бороду в расщелину, а сам — в горницу. Вот едут его братья, меж собой разговаривают.

«Что, братцы, вам ничего не случилось? — спрашивает Царенко. — А у меня так рубаха совсем к телу присохла!» — «Ну, и нам досталось! До спины доторкнуться нельзя. Проклятый дед! Верно, он и Сученку содрал». Приехали домой: «А что, Сученко Иван, никого у тебя не было?» — «Был один нахаба, так я ему по-своему задал!» — «Что ж ты ему сделал?» — «Пень расколол да бороду всадил». — «Пойдем посмотрим!» Пришли на деда смотреть, а его и след простыл! Как попал он в тиски, начал биться, рваться и таки выворотил весь пень с корнем и унес с собой на тот свет; а с того света он приходил до своего дома под золотую крышею.

Братья пошли по его следам, шли-шли — стоит гора: в той горе ляда; взяли ее отворили, привязали до каната камень и опустили в нору; как достали камнем дно, вытянули его назад и привязали до каната Ивана Сученка. Говорит Сученко: «Через три дня как встряхну канат — сейчас меня вытягайте!» Вот опустили его на тот свет. Он вспомнил про царевен, что покрали на тот свет три змия: «Пойду их шукать!»

Шел-шел — стоит двухэтажный дом; вышла оттуда девка. «Чего, русский человек, коло нашего двора ходишь?» — «А ты что за спрос? Дай-ка мне наперед воды — глаза промыть, накорми меня, напой, да тогда и спрашивай». Она принесла ему воды, накормила, напоила и повела к царевне. «Здравствуй, прекрасная царевна!» — «Здравствуй, добрый молодец! Чего сюда зашел?» — «За тобою; хочу с твоим мужем воевать». — «Ох, не отымешь ты меня! Мой муж дюже сильный, с шестью головами!» —

«Я и с одною, да буду воевать, как мне бог поможет!» Царевна его за двери спрятала — аж летит змий. «Фу, русска кость воня!» — «Ты, душечка, на Руси летал, русской кости напахал!» — говорит царевна, подает ему ужинать, а сама тяжело вздохнула. «Чего, голубка, так тяжело вздыхаешь?» — «Как мне не вздыхать! Четвертый год за тобою, не видела ни отца, ни матери. Ну что, если бы кто-нибудь из моих родных да сюда пришел, что б ты ему сделал?» — «Что сделал? Пил да гулял бы с ним». На те речи выходит из-за дверей Иван Сученко. «А Сученко! Здравствуй; зачем пришел: биться или мириться?» — «Давай биться! Дми точок!» Змий дунул — у него стал чугунный точок с серебряными пругами, а Сученко дунул — у него серебряный с золотыми пругами. Ударил он змия раз и убил до смерти, в пепел перепалил, на ветер перепустил; царевна дала ему кольцо, он взял и пошел дальше.

Шел-шел — опять двухэтажный дом; вышла ему навстречу девка и спрашивает: «Чего ты, русский человек, коло нашего двора ходишь?» — «А ты что за спрос? Дай наперед мне воды — глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай!» Вот она принесла ему воды, накормила его, напоила и к царевне проводила. «Чего ты пришел?» — говорит царевна. «За тобою; хочу с твоим мужем воевать». — «Куда тебе воевать с моим мужем! Мой муж дюже сильный, с девятью головами!» — «Я и с одною, да буду с ним воевать, как мне бог поможет!» Царевна спрятала гостя за двери — аж летит змий. «Фу, как русска кость воня!» — «Это ты по Руси летал, русской кости напахал!» — говорит царевна, стала подавать ужинать и тяжело вздохнула. «Чего ты, душечка, вздыхаешь?» — «Как мне не вздыхать, когда я ни отца, ни матери не вижу. Что б ты сделал, если бы кто-нибудь из моих родных сюда пришел?» — «Пил да гулял бы с ним». Иван Сученко выходит из-за дверей. «А, Сученко! Здравствуй, — говорит змий. — Чего ты пришел сюда: биться или мириться?» — «Станем биться! Дми точок!» Змий дунул — у него стал чугунный точок с серебряными пругами, а Иван Сученко дунул — у него серебряный с золотыми пругами; ударил он змия и убил до смерти, в пепел перепалил, на ветер перепустил. Царевна ему дала кольцо; он взял и пошел дальше.

Шел-шел — опять такой же дом с двумя этажами. Вышла навстречу девка: «Чего, русский человек, коло нашего двора ходишь?» — «Ты прежде воды дай — глаза промыть, накорми, напои, да тогда и спрашивай!» Она принесла ему воды, накормила, напоила и к царевне проводила. «Здравствуй, Иван Сученко! Чего ты пришел?» — «За тобою; хочу тебя у змия отнять». — «Куда тебе отнять! Мой муж дюже сильный, с двенадцатью

головами!» — «Я и с одною, а его повоюю, коли бог поможет!» Входит в горницу, а там двенадцатиглавый змий дрыхнет: как змий вздохнет, так весь потолок ходоном заходит! А его сорокапудовая булава в кутку стоит. Иван Сученко свою булаву в куток поставил, а змиеву взял; размахнулся, как ударит змия — пошел гул по всему двору! С дому крышу сорвало! Убил Иван Сученко двенадцатиглавого змия, в пепел перепалил, на ветер перепустил. Царевна дает ему кольцо и говорит: «Будем со мною жить!» А он зовет ее с собою. «Как же я свое богатство брошу?» Взяла все свое богатство, в золотое яйцо своротила и отдала Ивану Сученку; он положил то яйцо в карман и вместе с нею пошел назад до ее сестер. Подстаршая царевна своротила свое богатство в серебряное яйцо, а самая меньшая — в медное, и ему ж отдали.

Приходят они вчетвером до норы; Иван Сученко привязал меньшую царевну и встряхнул канат. «Как тебя, — говорит, — вытянут наверх, то покличь: Царенко! Он отзовется: га! А ты скажи: я твоя!» После привязал другую царевну и опять встряхнул канат, чтоб наверх тянули: «Как тебя вытянут, то покличь: Поваренко! Он отзовется: га! А ты скажи: я твоя!» Стал третью царевну до каната привязывать и говорит ей: «Как тебя вытянут, ты молчи — моя будешь!» Вытянули эту царевну, она молчит; вот Белый Полянин рассердился и, как стали тянуть Ивана Сученко, взял да и перерезал канат.

Сученко упал, приподнялся и пошел до старого деда. Дед его пытается: «Чего ты пришел?» — «Биться!» Начали воевать; бились-бились, устали и бросились до воды. Дед ошибся, дал Сученку сильной воды напиться, а сам простой выпил. Стал Иван Сученко осиливать; дед ему и говорит:

«Не добивай меня! Возьми себе в погребе кремень, кресало да трех сортов шерсть — в беде пригодится». Иван Сученко взял кремень, кресало и трех сортов шерсть; вырубил огонь и припалил серую шерсть — бежит до него серый конь, из-под копыт шматья летят, изо рта пар пышет, из ушей дым столбом. «Много ль нужно времени, пока ты меня на тот свет вынесешь?» — «А столько, сколько нужно людям, чтоб обед наварить!» Сученко припалил вороную шерсть — бежит вороной конь, из-под копыт шматья летят, изо рта пар пышет, из ушей дым валит. «Скоро ль ты меня на тот свет вынесешь?» — «Люди пообедать не успеют!» Припалил рыжую шерсть — бежит рыжий конь, из-под копыт шматья летят, изо рта пар пышет, из ушей дым валит. «Скоро ль ты меня на тот свет вынесешь?» — «Плунуть не успеешь!» Сел на того коня и очутился на своей земле.

Приходит до золотаря. «Я, — говорит, — буду твоим помощником!» Меньшая царевна приказывает золотарю: «Сделай мне к свадьбе золотой перстень!» Он взялся за ту работу, а Иван Сученко говорит: «Постой, я тебе перстень сделаю, а ты мне мешок орехов дай». Золотарь принес ему мешок орехов; Иван Сученко орехи поел, золото молотком разбил, вынул царевнино колечко, вычистил и отдал хозяину. Царевна приходит в субботу за кольцом; глянула: «Ах, какое прекрасное колечко! Я такое отдала Ивану Сученку, да его нет на этом свете!» И просит золотаря к себе на свадьбу. На другой день золотарь пошел на свадьбу, а Иван Сученко дома остался, припалил серую шерсть — бежит до него серый конь. «Чего ты меня требуешь?» — «Надо на весильном доме трубу сорвать!» — «Садись на меня, заглянь в левое ухо, выглянь в правое!» Он заглянул в левое ухо, а в правое выглянул — и стал такой молодец, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Поскакал и снял трубу с дома; тут все закричали, перепугались, свадьба разъехалась.

Другая царевна принесла золото, просит кольцо сделать. Иван Сученко говорит золотарю: «Дай мне два мешка орехов, я тебе кольцо сделаю». — «Ну что ж? Сделай». Сученко орехи поел, золото молотком разбил, вынул царевнино кольцо, вычистил и отдал. Царевна увидела кольцо: «Ах, какое славное! Я точно такое отдала Ивану Сученку, да его теперь нет на этом свете!» Взяла кольцо и зовет золотаря на свадьбу. Тот пошел на свадьбу, а Иван Сученко припалил вороную шерсть — бежит вороной конь. «Чего ты от меня требуешь?» — «Надо сорвать с весильного дома крышу». — «Сядь на меня; в левое ухо заглянь, в правое выглянь!» Он заглянул в левое ухо, выглянул в правое — стал молодец молодцом! Конь понес его так шибко, что сорвал с дома крышу; все закричали, принялись стрелять в коня, только не попали; свадьба опять разъехалась.

Вот и старшая царевна просит, чтобы ей колечко сделали. «Не хотела я, — говорит, — за Белого Полянина замуж идти, да, видно, бог так судил!» Иван Сученко говорит золотарю: «Дай мне три мешка орехов, я тебе кольцо сделаю». Опять орехи поел, золото молотком разбил, вынул царевнино кольцо, вычистил и отдал. В субботу приходит царевна за кольцом, глянула: «Ах, какое славное колечко! Боже мой! Где ты достал этот перстень? Я точно такой отдала тому, кого любила». И просит золотаря: «Приходи завтра на свадьбу ко мне!»

На другой день золотарь пошел на свадьбу, а Иван Сученко дома остался, припалил рыжую шерстину — бежит рыжий конь. «Чего ты от меня

требуешь?» — «Неси меня как хочешь, только бы нам вперед ехать — потолок на весильном доме сорвать, а назад ехать — Белого Полянина за чуб взять!» — «Сядь на меня, в левое ухо заглянь, в правое выглянь!» Понес его рыжий конь шибко-шибко. Туда едучи — Сученко потолок с дома снял, а назад едучи — ухватил Белого Полянина за чуб, поднялся высоко вверх и бросил его наземь: Белый Полянин на кусочки разбился. А Иван Сученко опустился вниз, обнялся, поцеловался с своею невестою; Иван-царевич и Поваренко ему обрадовались; все они обвенчались на прекрасных царевнах и стали жить вместе богато и счастливо.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.